

Житъе-бытхе Петра Великаго въ Даніи ¹⁾.

(Дневникъ).

(Окончаніе).

Хиротонія датскаго епископа по желанію Петра.—Прощаніе Петра съ датскимъ королемъ.—Чрезмѣрные расчеты датчанъ по довольствію русскихъ.—Подробное сказаніе датчанъ объ одеждахъ Петра.—Описаніе волосъ Петра.

Въ четвергъ 11 (22) окт. Петръ попросилъ короля показать ему хиротонію епископа; но такъ какъ нужды не было въ епископѣ, король приказалъ селяндскому епископу выбрать кандидата на священство и посвятить его по обряду хиротоніи въ санъ епископа и такимъ путемъ исполнить желаніе царя. Въ тотъ же день магистръ Муусъ, инспекторъ общежитія студентовъ получилъ приказъ принять одинъ изъ сельскихъ приходовъ Селяндской епископіи и приготовиться къ рукоположенію въ ближайшій воскресный день въ присутствіи царя. Муусъ имѣлъ полную причину радоваться—онъ давно безъ успѣха искалъ себѣ мѣста и почти оставилъ мысль о пасторскомъ служеніи, какъ тутъ ему безъ всякаго прошенія устроили и мѣсто и хиротонію въ присутствіи знаменитаго гостя.

Наканунѣ торжества, которое было назначено на 14 (25) окт., королевскія кресла въ церкви Vor Frue Kirke были обтянуты новой матеріей и покрыты драгоцѣнными коврами; по всей церкви были разставлены стулья съ мягкими подушками.

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1915 г.

Приложеніе: Снимокъ съ рисунка той галеры, на которой Петръ пріѣхалъ въ Копенгагенъ.

14 (25) окт. Петръ явился въ церковь въ своемъ обычномъ костюмѣ, въ короткомъ кафтанѣ, въ сѣрыхъ чулкахъ и съ громадными пряжками на воротникѣ, при голубой лентѣ, при орденахъ Слона и съ польскимъ орденомъ на пуговицѣ. Онъ пришелъ вмѣстѣ съ королемъ, съ министрами короля, въ сопровожденіи вице-канцлера Шафировъ и гр. Толстого. Король подвелъ царя къ королевскимъ мѣстамъ, но Петръ отказался занять предназначенное для него сидѣніе, преспокойно поднялся на солею, подошелъ къ престолу и съ напряженнымъ вниманіемъ сталъ слѣдить за ходомъ церемоніи, но въ то же время онъ разсматривалъ всѣ памятные плиты въ церкви въ подзорную трубу, какъ бы желая прочесть надписи. Проповѣдь пачинавшаго пастора показалась ему слишкомъ длинной, и онъ послалъ одного изъ своихъ кавалеровъ къ престолу съ замѣчаніемъ. Когда епископъ показался, Петръ вслухъ высказалъ свое изумленіе благолѣпному величію, съ какимъ онъ сумѣлъ выступить изъ-за стѣны престола. Когда присутствовавшіе пасторы приступили къ самому дѣйствию рукоположенія, тогда и Петръ подошелъ къ престолу и возложилъ руки на ставленника, а когда Муусъ началъ принимать рукопожатія духовенства, тогда и самъ царь протянулъ ему руку, но Муусъ съ вѣжливымъ извиненіемъ отказался отъ царскаго рукопожатія.

По окончаніи торжества Петръ направился къ выходу, гдѣ 12 чел. стражниковъ и 2 приходскихъ попечителя съ трудомъ удерживали напоръ любопытной толпы. При выходѣ онъ спросилъ короля „наизусть ли говорилъ епископъ такую длинную проповѣдь?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ, Петръ сказалъ: „Когда я вернусь въ Россію, я также научу своего патріарха говорить проповѣди наизусть“.

15 (26) окт. состоялся прощальный парадный обѣдъ въ Христиансбургскомъ дворцѣ. Король былъ боленъ и не участвовалъ въ обѣдѣ.

16 (27) окт. въ восьмомъ часу утра царь вошелъ къ королю въ спальню распрощаться съ нимъ и пробылъ у него $\frac{3}{4}$ часа. Тѣ, которые видѣли Петра при выходѣ его изъ королевской спальни, свидѣтельствуютъ, что царь прослезился.

Онъ уѣхалъ изъ Копенгагена въ открытой коляскѣ съ 3 кавалерами при тройномъ салютѣ со всего городского вала.

(Царица, по нѣкоторымъ запискамъ, уѣхала 11 (23) окт.).

18 (29) окт. царь переправился чрезъ Большой Бельтъ и поѣхалъ въ Германію.

Послѣ отъѣзда Петра у датчанъ начались расчеты по поводу приѣма царственныхъ гостей, ихъ свиты и солдатъ. Общая сумма исковъ, предъявленныхъ гражданами копенгагенскому магистрату, составляла 14.327 талеровъ. Магистратъ отказался отъ уплаты этихъ денегъ и перенесъ все дѣло на усмотрѣніе короля. Король приказалъ обревизовать всѣ поданные счета и суммы по справедливости сократить, а потомъ распределить всѣ расходы на всѣхъ жителей Копенгагена. Такимъ способомъ цифру расходовъ сократили до 5.699 талеровъ, вмѣсто первоначальныхъ 14.327.

Больше всѣхъ пострадалъ купецъ Эдингеръ, домъ котораго былъ предоставленъ въ распоряженіе Петра. Онъ потребовалъ за лишеніе собственной квартиры, за ремонтъ и за приобретенную имъ мебель 3.556 талеровъ; ему выдали только 831. Еврей Давидъ Наѳанъ показалъ въ своемъ счетѣ, что у него жилъ русскій генералъ; то такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что у него остановился не генералъ, а просто капитанъ, еврею вмѣсто 50 талеровъ выдали 26. Одинъ домохозяинъ безъ стѣсненія потребовалъ платы за то, что на тротуарѣ предъ его домомъ стояли русскіе часовые—ему конечно было отказано. Расчеты продолжались годами, такъ что память объ именитомъ гостѣ твердо запечатлѣлась въ памяти датской столицы и частенько обновляется въ датской литературѣ.

Несправедливо было бы окончить дневникъ пребыванія Петра въ Копенгагенѣ, не предложивъ читателю краткую записку, рисующую намъ виѣшность царя въ слѣдующемъ видѣ:

Этотъ великій господинъ не отличался великолѣпными костюмами; но зато супруга его была великолѣпна (*magnificente*). Наилучшій костюмъ, въ которомъ онъ показывался, состоялъ изъ зеленаго суконнаго кафтана съ небольшимъ количествомъ золотыхъ галуновъ или изъ краснаго кафтана съ серебряными галунами; эти кафтаны онъ только одѣвалъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, когда онъ носилъ орденскій знакъ. Въ день прибытія и при вѣздѣ, а также въ простые дни,—за исключеніемъ того времени, когда онъ носилъ трауръ по сестрѣ—костюмъ его былъ таковъ: старый, съ множествомъ пятенъ, красный камзолъ изъ простого, грубаго сукна, сшитый какъ бы на морского шкипера, съ небольшими обшлагами и съ застежками до самой шеи. Бѣлая полотняная куртка съ бѣлыми пуговицами изъ матеріи; жилетки онъ не носилъ; панталоны его были изъ коричневаго сукна и сшиты такъ, что подвязывались подъ колѣномъ; на ногахъ у него были сѣрые чулки, не лучше

тѣхъ, которые продаются у нашихъ ютландскихъ мужиковъ на базарѣ. Подколѣнные подвязки были сдѣланы изъ черной кожи съ мѣдными пряжками; сапоги у него были съ острыми носками, какъ обыкновенно у матросовъ. На шеѣ у него былъ простой полотняный галстукъ, обмотанный вокругъ шеи и концами засунутый подъ куртку. Спереди на шеѣ у него была большая булавка съ стекляннымъ камнемъ, но на рукахъ онъ не носилъ ни рукавчиковъ, ни полурукавовъ, такъ что видно было его грубую рубашку, запрятанную высоко на загорѣлыхъ рукахъ. Опоясанъ онъ былъ старымъ, потертымъ галуномъ, въ который была засунута сабля, скорѣе похожая на мечъ палача, чѣмъ на саблю; перчатки его были грязныя, а въ рукахъ онъ держалъ большую, толстую палку съ кожанымъ ремнемъ; на головѣ у него была шапка, обтянутая зеленой клеенкой, и впрочемъ такого вида, какъ у нашихъ охотниковъ; волосы у него были черныя, кудрявыя и хорошо сплетены. Такова была обмундировка этого знаменитаго господина.

Священникъ Іоаннъ Щелкуновъ.

